

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СУНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цена годоваго изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатн. листовъ, 3 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою во всѣ города Имперіи. — За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб.

Подписка въ разсрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, С.-Петербургъ, Воскресенскій проспектъ, домъ № 18.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

НАГРАДЫ ПО ВѢДОМСТВУ О. ПРОТОПРЕСВИТЕРА ВОЕННАГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА.

1.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

Протопресвитеру военнаго и морскаго духовенства Желобовскому.

Въ изгявленіе НАШЕГО МОНАРШАГО благоволенія къ продолжительному усердному и полезному служенію вашему, ознаменованному трудами на пользу религиозно-нравственнаго просвѣщенія русскаго воинства и благо върренныхъ вашему попеченію церквей и духовенства, для обозрѣнія коихъ вы совершали отдаленныя путешествія, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ жалуемъ вамъ препровождаемые при семъ знаки ИМПЕРАТОРСКАГО ордена НАШЕГО Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго съ брилліантовыми украшеніями.

Пребываемъ къ вамъ ИМПЕРАТОРСКОЮ милостію НАШЕЮ благосклонны.

На подлинной Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

НИКОЛАЙ.

5-го мая 1904 г.

2.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ, къ 6-му числу мая текущаго года, ко дню рожденія Его Величества, пожаловать: настоятеля С.-Петербургскаго Адмиралтайскаго собора, протоіерея Алексія *Ставровскаго* орденомъ Св. Владиміра 2-й степени и настоятеля Тифлисскаго Александро-Невскаго военнаго собора, протоіерея Димитрія *Виноградова* митрою.

3.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Св. Синода, въ 6-й день мая текущаго года Всемилостивѣйше соизволилъ удостоить наградами слѣдующихъ лицъ вѣдомства Протопресвитеря военнаго и морскаго духовенства:

Орденами: Св. Владиміра 3-й степени, протоіереевъ церквей: лейбъ-гвардіи Павловскаго полка Петра *Трошцаго*, 69-го пѣх. Рязанскаго полка Василія *Судакова*, и Одесскаго пѣх. инженерн. учил. Михаила *Гастева*.

Св. Владиміра 4-й степени: дѣлопроизводителя Духовнаго Правленія при Протопресвитерѣ коллежскаго совѣтника Митрофана *Журавскаго*.

Св. Анны 2-й степени, протоіереевъ церквей: Введенской л.-гв. Семёновскаго полка Сергія *Архангельскаго*, при Управленіи Вѣрненскаго уѣзднаго воинскаго начальника Димитрія *Солнцева*, 10-го пѣх. Коломенскаго полка Павла *Богдановича* и 55-го пѣх. Подольскаго полка Александра *Орлова*.

Протоіереевъ военныхъ соборовъ:

Тифлисскаго Александро-Невскаго Давида *Утарнова*, Кіевскаго Николаевскаго Василія *Румянцева*; благочиннаго 6-й кавалерійской дивизіи, протоіерей Стефана *Тучапскаго*.

Священниковъ церквей:

62-го пѣх. Суздальскаго полка Василія *Розова* и С.-Петербургскаго клиническаго военнаго госпиталя Іоанна *Философова*.

Св. Анны 3-й степени; протоіереевъ церквей:

лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона Сергія *Голубева*, л.-гв. Уланскаго Ея Величества Государыни Императрицы Александры Теодоровны полка Алексѣя *Борисоглыбскаго* и 1-го л.-гв. Драгунскаго Московскаго Императора Александра III полка Петра *Вьлюстина*; священника Брестъ-Литовскаго военно-крѣпостнаго Николаевскаго собора Александра *Аванасьева*.

Священниковъ церквей:

96-го пѣх. Омскаго полка Александра *Высокоостровскаго*, 38-го пѣх. Тобольскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича полка Іоанна *Лебедева*, 134-го пѣх. Оеодосійскаго полка Димитрія *Хорошева*, и столоначальника Духовнаго Правленія при Протопресвитерѣ военнаго и морскаго духовенства надворнаго совѣтника Андрея *Боголюбова*.

4.

Списокъ лицамъ, кои Святѣйшимъ Синодомъ удостоены награжденія за заслуги по духовному вѣдомству ко дню рожденія Его Императорскаго Величества.

а) Палицею—церкви 129-го пѣхотн. Бессарабскаго Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Михаила Александровича полка протоіерей Александръ *Дородницынъ*; Выборгской гарнизонной церкви протоіерей Василій *Нередицкій*; Двинскаго военно-крѣпостнаго собора протоіерей Николай *Заблוצкій*.

б) Саномъ протоіерея—церкви 44-го драгунск. Нижегородскаго Его Величества полка священникъ Евѣимій *Рыбчинскій*; домовоі церкви протопресвитера военнаго и морскаго духовенства священникъ Оеодоръ *Боголюбовъ*; Петровской военно-мѣстной церкви, Дагестанской области, священникъ Василій *Глаголевъ*; церкви Тифлисскаго военнаго госпиталя священникъ Тимоѣей *Веселовскій*; С.-Петербургской Троицкой Гаваньской церкви священникъ Александръ *Смирновъ*; церкви 115-го пѣхотн. Вяземскаго полка священникъ Александръ *Модестовъ*; церкви 53-го драгунск. Новоархангельскаго полка священникъ Даміанъ *Макаревскій*; церкви 31-го Драгунскаго Рижскаго полка священникъ Петръ *Добротворскій*.

в) Наперснымъ крестомъ отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ—церкви 41-го драгунскаго Ямбургскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Александровны полка священникъ Іаковъ *Ерлексовъ*; церкви л.-гв. Гродненскаго Гусарскаго полка священникъ Александръ *Успенскій*; церкви 9-го драгунскаго Елисаветградскаго полка священникъ Павелъ *Щеголевъ*; церкви 30-го драгунскаго Ингерманландскаго полка священникъ Василій *Копецкій*; церкви при Управленіи 57-й пѣхотной резервной бригады священникъ Василій *Борисоглыбскій*; церкви Генеральнаго и Главнаго Штаба священникъ Павелъ *Левашевъ*; церкви 57-го пѣхотн. Модлинскаго полка священникъ Димитрій *Новиковъ*; церкви

34-го драгунскаго Стародубовскаго полка священникъ Александръ *Сokolovъ*; церкви л.-гв. Московскаго полка священникъ Владиміръ *Зайцевъ*; церкви при управленіи Ходжентскаго воинскаго начальника священникъ Аристархъ *Нарциссовъ*; церкви 8-го Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона священникъ Никифоръ *Цоколаевъ*; церкви 259-го Гурійскаго пѣхотнаго резервнаго полка священникъ Николай *Натидзе*; церкви 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго полка Никодимъ *Старосивильскій*; церкви 169-го Новотроцкаго полка священникъ Михаилъ *Зеленинъ*; церкви Гельсингфорскаго мѣстнаго военнаго лазарета священникъ Михаилъ *Діаконовъ*; церкви л.-гв. Гренадерскаго полка священникъ Корнилій *Журавскій*; Бакинскій портовой церкви священникъ Михаилъ *Обновленскій*; Николаевскаго адмиралтейскаго собора священникъ Іоаннъ *Бугославскій*; церкви л.-гв. Литовскаго полка священникъ Николай *Бѣловъ*.

г) Камилавкою—церкви лазарета л.-гв. Преображенскаго полка священникъ Всеволодъ *Окуневъ*; церкви 15-го драгунскаго Александрійскаго полка священникъ Алексій *Ершовъ*; церкви 184-го пѣхотнаго резервнаго Варшавскаго полка священникъ Николай *Селецкій*; Петропавловской военной церкви, что въ селѣ Медвѣдь, Новгородской губерніи, священникъ Евлампій *Щекинъ*; церкви 2-го гренадерскаго Ростовскаго полка священникъ Григорій *Забѣлинъ*; церкви Средне-Азіатской желѣзной дороги священникъ Николай *Алякринскій*; церкви 5-го пѣхотнаго Калужскаго Императора Вильгельма I полка священникъ Александръ *Ждановъ*; церкви Астрабадской морской станціи священникъ Анатолій *Вишняковъ*; Николаевскаго Тифлисскаго военнаго собора священникъ Александръ *Журавскій*; церкви 113-го пѣх. Старорусскаго полка священникъ Михаилъ *Татауровскій*; церкви 164-го пѣх. Закавказскаго полка священникъ Василій *Цотоцкій*; церкви 127-го пѣх. Путивльскаго полка священникъ Александръ *Киссель*; церкви 19-го пѣх. Костромскаго полка священникъ Василій *Вогородскій*; церкви 1-го пѣх. Невскаго Его Величества Король Эллиновъ полка священникъ Іоаннъ *Лобшицкій*; церкви 31-го пѣх. Алексопольскаго полка священникъ Ниль *Анкурскій*; церкви 9-го пѣх. Ингерманландскаго, Императора Петра I полка священникъ Михаилъ *Итицунъ*, церкви 16-го пѣх. Ладожскаго полка священникъ Петръ *Воиновъ*; церкви при управленіи Самаркандскаго воинскаго начальника священникъ Александръ *Малицкій*; церкви 5-го Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона священникъ Алексій *Сokolovъ*; Гомборской военно-мѣстной Сергіевской церкви священникъ Вла-

димиръ *Лихачевъ*; церкви 7-го Красноярскаго резервнаго баталіона священникъ *Василій Тушняковъ*; Кронштадтской морской Богоявленской церкви священникъ *Сергій Путилинъ*; церкви при штабѣ Владивостокской крѣпости священникъ *Теодоръ Кутузовъ*; церкви 15-го пѣх. Шлиссельбургскаго генераль-фельдмаршала Аникиты (Репнина полка священникъ *Іоаннъ Соболевъ*; церкви 175-го пѣх. Батуринскаго полка священникъ *Александръ Куминскій*; церкви при управленіи Чарджуйскаго воинскаго начальника священникъ *Алексій Шевченко*; церкви 47-го драгунскаго Татарскаго полка священникъ *Леонидъ Стефановъ*; церкви Павловскаго гарнизона священникъ *Іоаннъ Жемчужинъ*; церкви 22-го драгунскаго Астраханскаго генераль-фельдмаршала Великаго Князя Николая Николаевича полка священникъ *Іоаннъ Анохинъ*; Двинскаго военно-крѣпостнаго собора священникъ *Николай Преображенскій*; церкви 19-го драгунскаго Кинбурнскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полка священникъ *Александръ Вишняковъ*; военно мѣстной въ дер. Тюсьбю, церкви, Нюландской губерніи, священникъ *Арсеній Разумовъ*. д.) *Благословеніемъ Святѣйшаго Синода, съ грамотами* — церкви С.-Петербургскаго Семеновско-Александровскаго военнаго госпиталя протоіерей *Іоаннъ Рождественскій*; церкви Казанскаго пѣх. юнкерскаго училища священникъ *Алексій Дьяченко*; церкви на станціи Кизиль-Арватъ средне-Азіатской желѣзной дороги священникъ *Димитрій Гаччиладзе*; церкви 77-го пѣх. Тенгинскаго полка протоіерей *Феофилактъ Романовъ*; церкви 1-го Черноморскаго полка Кубанскаго казачьяго войска священникъ *Александръ Сланскій*; церкви С.-Петербургской военной тюрьмы протоіерей *Алексій Крутяковъ*; С.-Петербургскаго Адмиралтейскаго собора протоіерей *Василій Молоденскій*; церкви 109-го пѣхотнаго Волжскаго полка священникъ *Петръ Тяжеловъ*; церкви лейбъ-гвардіи С.-Петербургскаго, Короля Фридриха Вильгельма III, полка священникъ *Николай Щегловъ*; состоящій въ отставкѣ священникъ церкви 256-го Гунибскаго резервнаго баталіона *Іоаннъ Светловъ*; церкви лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона діаконъ *Николай Крестовскій*; Спасо-Преображенской церкви Муравьевскихъ казармъ, нештатный діаконъ *Василій Травинскій*; церкви Ивангородской крѣпости діаконъ *Авраамій Пашаловичъ*.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМЪ, САРОВСКІЙ ЧУДОТВОРЕЦЪ.

Внѣбогослужебныя бесѣды.

Бесѣда девятая и послѣдняя.

Молва о Саровскомъ подвижникѣ Серафимѣ все сильнѣе и шире распространялась въ нашемъ отечествѣ. Разказы о дивныхъ благодатныхъ дарованіяхъ святаго старца передавались отъ однихъ людей къ другимъ и привлекали въ Саровъ съ каждымъ годомъ все большее количество богомольцевъ. Желаніе получить благословеніе отъ святаго человѣка и выслушать его мудрый совѣтъ въ важныхъ случаяхъ жизни многихъ побуждали предпринимать путешествія къ «убоному» старцу. Число почитателей и посѣтителей о. Серафима все болѣе и болѣе увеличивалось.

Но и годы жизни о. Серафима умножались; наступала старость: ему было около семидесяти лѣтъ. Время, проведенное въ тяжелыхъ трудахъ, не могло не отразиться на тѣлесныхъ силахъ старца: разные недуги онъ сталъ чувствовать все сильнѣе и чаще. Конечно, тѣлесныя немощи навели старца на мысль о смерти. Но не страшна была эта мысль для того, кто всю жизнь свою отдалъ Богу, служилъ Ему день и ночь: не безпокойство и смущеніе, а удовольствіе и радость испытывалъ праведникъ, помышляя о скоромъ отшествіи отъ міра. За годъ и десять мѣсяцевъ до кончины о. Серафимъ былъ утѣшенъ дивнымъ явленіемъ Божіей Матери: раннимъ утромъ въ день Благовѣщенія, 25-го марта 1831 года, Пресвятая Богородица посѣтила старца въ неизреченномъ величїи и въ сопровожденїи святыхъ Іоанна Предтечи, Іоанна Богослова и двѣнадцати святыхъ дѣвъ—мученицъ и преподобныхъ. Пресв. Владычица возвѣстила о. Серафиму о его скоромъ переселенїи въ небесныя обители: «скоро, любимиче мой, будешь съ нами», сказала Пресвятая Богородица, благословляя его въ концѣ своего посѣщенія.

Послѣ этого откровенія старецъ замѣтнымъ образомъ сталъ приготовляться къ своей блаженной кончинѣ: большую часть времени проводилъ въ монастырѣ; мало выходилъ изъ келліи; тяготился посѣтителями и рѣдко кого принималъ къ себѣ.

Мысль о своей скорой кончинѣ о. Серафимъ высказывалъ многимъ ли-

цамъ. Такъ, осенью 1832 года пришла къ о. Серафиму одна изъ монахинь женскаго Дивѣевскаго монастыря. Въ бесѣдѣ съ нимъ сестра Стефанида между прочимъ сообщила, что, какъ она слышала, въ Великій постъ собирается къ старцу много богомольцевъ. «Тогда двери мои уже будутъ закрыты»,—задумчиво проговорилъ о. Серафимъ.

«Неужели старецъ снова уйдетъ въ затворъ?»—подумала сестра, а о. Серафимъ вдругъ сталъ говорить о загробной жизни, о блаженствѣ, которое ожидаетъ послѣ смерти души праведныхъ, о томъ, какъ ничтожно въ сравненіи съ этимъ вѣчнымъ блаженствомъ все земное, бренное... Сестра Стефанида не понимала, къ чему старецъ говоритъ ей все это. Она думала, что онъ говоритъ о затворѣ. Тогда преподобный Серафимъ сказалъ ей: «я силами слабѣю; живите теперь однѣ... Тяжело мнѣ оставлять васъ сиротами... Оставляю васъ Господу Богу и Его Пресвятой Матери, да сохранить Она васъ подъ Своимъ святымъ покровомъ. На всегда оставляю васъ»...

Глухія рыданія прервали рѣчь старца: сестра Стефанида поняла, что старецъ говоритъ ей о своей смерти.

За полгода до своей блаженной кончины преподобный Серафимъ, прощаясь со многими, говорилъ: «мы не увидимся болѣе съ вами». Нѣкоторые просили благословенія пріѣхать въ Великій постъ поговѣть въ Саровѣ и еще разъ повидаться съ подвижникомъ. «Тогда двери мои затворятся»,—отвѣчалъ на это о. Серафимъ: «вы меня не увидите». Стало замѣтно, что жизнь его угасаетъ: только духъ его попрежнему, и еще болѣе прежняго, бодрствовалъ. «Жизнь моя сокрушается»,—говорилъ онъ нѣкоторымъ изъ братіи: «духомъ я какъ-бы сейчасъ родился, а тѣломъ по всему мертвъ».

Предвидя свою близкую кончину, о. Серафимъ дѣлалъ нѣкоторыя распоряженія: однимъ лицамъ онъ поручилъ послать письма съ приглашеніемъ ихъ въ обитель, другимъ просилъ передать послѣ его смерти, что было нужно и полезно для ихъ души. «Сами-то они меня не увидятъ», говорилъ старецъ въ поясненіе своихъ порученій.

Однажды пришелъ къ нему монахъ изъ братіи Саровской обители. Старецъ, сдѣлавъ ему наставленіе, сказалъ: «дунь на свѣчку». Братъ дунулъ,—свѣчка погасла. Старецъ сказалъ: «вотъ такъ и меня не увидятъ». Своему сосѣду и прислуживавшему ему вмѣсто келейника о. Павлу преподобный Серафимъ также говорилъ, что скоро будетъ кончина; но тотъ по

простотѣ своей недоумѣвалъ; о своей ли кончинѣ говорилъ о. Серафимъ, или о кончинѣ міра. Предъ наступленіемъ же новаго 1833 года старецъ самъ отиѣрилъ себѣ могилу близъ алтаря Успенскаго собора.

За недѣлю до своей кончины, въ праздникъ Рождества Христова, преподобный Серафимъ напомнилъ игумену Нифонту о томъ, чтобы его, когда умретъ, положили въ приготовленномъ имъ гробѣ. Въ тотъ же день онъ вручилъ одному изъ иноковъ финифтевый образъ преп. Сергія—посѣщенія его Божіею Матерію—съ такими словами: «сей образъ надѣньте на меня, когда я умру, и съ нимъ положите меня въ могилу».

1-го января 1833 года о. Серафимъ пришелъ въ послѣдній разъ въ больничную церковь во имя свв. Зосимы и Савватія; обошелъ весь храмъ; ко всѣмъ иконамъ поставилъ свѣчи и приложился; потомъ причастился по обычаю Св. Христовыхъ Таинъ. По окончаніи литургіи онъ простился со всѣми здѣсь молившимися братіями, всѣхъ благословилъ, поцѣловалъ и, утѣшая, говорилъ: «спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте: нынѣшній день намъ вѣнцы готовятся». Въ это время о. Серафимъ казался крайне больнымъ и утомленнымъ; но духомъ онъ былъ бодръ, спокоенъ и веселъ. Въ тотъ же день онъ нѣсколько разъ выходилъ на мѣсто, указанное имъ для своей могилы, и довольно долгое время смотрѣлъ на землю. Вечеромъ старецъ пѣлъ въ своей келліи пасхальныя пѣсни: «Воскресеніе Христово видѣвше..., о, пасха велія и священнѣйшая Христе... Свѣтися, свѣтися, новый Иерусалиме...»

Блаженная кончина преподобнаго Серафима совершилась въ ночь на второй день мѣсяца января 1833 года. Вотъ какъ изображается она по рассказамъ свидѣтелей—очевидцевъ.

Въ названный день инокъ Павелъ, проходя утромъ мимо келліи о. Серафима къ раней литургіи, почувствовалъ запахъ дыма. Оказалось, что дверь келліи подвижника была заперта извнутри; на стукъ и обычную молитву инока не послышалось отвѣта. Между тѣмъ мимо жилища о. Серафима проходила братія, направляясь въ церковь. О. Павелъ съ тревогою сообщилъ о своемъ опасеніи, не случился ли пожаръ въ келліи о. Серафима. Когда дверь келли была открыта, вошедшіе замѣтили, что тлѣли лежавшія на скамьѣ разныя холщевыя вещи, приносимыя старцу богомольцами: нѣкоторые изъ братіи бросились за сѣгомъ и имъ погасили загоравшіяся вещи. О тревожномъ событіи въ келліи о. Серафима узнали и другія иноки, бывшіе въ храмѣ; они поспѣшили къ жилищу старца. Такъ какъ

въ келлі подвижника было довольно темно, то собравшіеся долгое время не могли замѣтить о. Серафима: иноки подумали, что старецъ отдыхаетъ отъ ночныхъ трудовъ. Когда принесена была зажженная свѣча, глазамъ братіи представилась такая трогательная картина: преподобный Серафимъ въ обычномъ своемъ бѣломъ балахончикѣ стоялъ на колѣняхъ предъ иконою Божіей Матери Умиленія; голова его была открыта; на шеѣ висѣлъ мѣдный крестъ; руки сложены крестообразно на груди. При видѣ этого собравшіеся подумали, что о. Серафимъ уснулъ: стали осторожно будить, но отвѣта не было: старецъ почилъ вѣчнымъ сномъ... Тѣло его было тепло, какъ-будто бы духъ его только еще сію минуту оставилъ свою храмину. Иноки съ благословенія настоятеля подняли на рукахъ тѣло почившаго угодника Божія и перенесли въ ближайшую келлію іеромонаха Евстафія: здѣсь омыли чело и колѣна почившаго, одѣли по монашескому чину, положили въ приготовленный старцемъ гробъ и тотчасъ же вынесли въ соборный храмъ.

Восемь дней тѣло подвижника стояло здѣсь открытымъ, но не только не подверглось тлѣнію, а издавало благоуханіе. Вѣсть о кончинѣ преподобнаго Серафима быстро распространилась въ нашемъ отечествѣ и привлекла въ Саровскую пустынь множество народа желавшаго поклониться и облобызать руку великаго отечественнаго подвижника. Всѣ глубоко скорбѣли о смерти святаго старца, оказывавшаго при своей жизни столько великихъ благодѣяній людямъ: изъ устъ многихъ тысячъ богомольцевъ возносилась горячая молитва къ Богу о упокоеніи его души. При погребеніи о. Серафима не было произнесено никакихъ рѣчей; но воспоминанія о его подвижнической жизни, передававшіеся изустно рассказы о дивныхъ дѣлахъ его были самымъ лучшимъ назиданіемъ, замѣнявшимъ всякое другое слово.

Преподобный Серафимъ былъ погребенъ на томъ самомъ мѣстѣ, которое имъ было намѣчено при жизни—по правую сторону соборнаго алтаря, подлѣ могилы Марка-затворника. Впослѣдствіи однимъ изъ почитателей о. Серафима на могилѣ его былъ поставленъ скромный чугунный памятникъ съ слѣдующею надписью: «всѣ дни его жизни посвящены были во славу Господа Бога и въ душевное назиданіе православныхъ христіанъ, въ сердцахъ коихъ и нынѣ Серафимъ живетъ».

Такова была жизнь новоявленнаго угодника Божія, преподобнаго Серафима, Саровскаго Чудотворца. Своими подвигами самоотверженнаго служенія Богу онъ воскресилъ въ русскомъ народѣ память о великихъ святыхъ

древней христіанской Церкви. Читая повѣствованія о его жизни, рассказы о трудахъ, предпринятыхъ имъ для блага душевнаго и усовершенствованія нравственнаго, невольно переношишься мыслию ко временамъ великихъ угодниковъ Божіихъ: Θεодосія, Антонія Вел., Павла Фивейскаго, Онуфрія В. и другихъ. Въ преподобномъ Серафимѣ мы можемъ видѣть и открывать тѣ же высокія, изумительныя душевныя качества, которыми просіяли и эти свѣтила христіанской Церкви.

Справедливо можно сказать, что жизнь его была непрерывнымъ добровольнымъ подвижничествомъ, приникнутымъ любовію къ Богу и ближнимъ.

И любилъ и почиталъ его русскій народъ: къ нему со всѣхъ сторонъ нашего отечества вѣрующіе люди несли свое горе, часто безвыходное, свои страданія. И все это горе, нужду и страданіе надо было разрѣшать, утѣшать, исцѣлять... Труденъ, невыразимо тяжелъ былъ путь земной, который прошелъ о. Серафимъ. И болѣе, чѣмъ кто-нибудь, онъ долженъ былъ чувствовать тяготу земной жизни и желать «во блаженномъ успеніи вѣчнаго покоя».

Одно утѣшеніе, одну отраду среди всѣхъ трудовъ и тягостей своей жизни имѣлъ преподобный Серафимъ, это—благодать и помощь Божію. Если бы не это утѣшеніе и укрѣпленіе свыше, то кто бы былъ въ силахъ выполнить и вынести всѣ эти подвиги? Господь укрѣплялъ праведника, не оставлялъ его одного на пути крестномъ, помогалъ, давалъ ему силы къ трудамъ и подвигамъ. Не разъ утѣшалъ Господь преподобнаго Серафима дивными видѣніями: то Самъ видимо являлся ему во славѣ, то посѣщала его Царица небесная, то праведникъ душею восхищался на небо и наслаждался созерцаніемъ райскихъ обителей...

Тѣ духовныя радости и восторги, которые испытывалъ подвижникъ отъ этихъ видѣній, вознаграждали его за всѣ тяготы и лишенія жизни, заставляли забывать всю горечь временныхъ страданій и возбуждали ненасытную жажду новыхъ трудовъ и подвиговъ ради царствія Божія. А что сказать о томъ блаженствѣ, о той небесной радости, которую наслѣдовалъ праведникъ послѣ своей кончины? Они—непостижимы и неизреченны...

Возлюбленные братія! Въ святой православной Церкви отъ начала ея существованія просіяло много великихъ угодниковъ Божіихъ. И всѣ они должны быть почитаемы и ублажаемы нами за ихъ святую, благочестивую жизнь; всѣ должны быть призываемы нами въ молитвахъ, какъ наши

усердные предстатели и заступники предъ Богомъ. Но особенно намъ дороги и близки наши отечественные—родные святыя...

Дивная жизнь святого старца Серафима протекла въ нашемъ отечествѣ и отдалена отъ насъ сравнительно небольшимъ семидесятилѣтнимъ періодомъ. Саровская пустынь полна живыми воспоминаніями о подвижникѣ: въ ней и въ настоящее время есть еще нѣкоторые старцы—иноки, помнящіе преподобнаго Серафима. Въ г. Курскѣ и теперь показываютъ мѣсто, на которомъ стоялъ купеческій домъ Мошниныхъ. У многихъ лицъ, почитателей о. Серафима, съ благоговѣніемъ хранятся разныя вещи, принадлежавшія преподобному...

Близокъ къ намъ по времени своей жизни новоявленный угодникъ Божій. Великіе подвижники и ревнители добрыхъ дѣлъ могутъ быть и въ нынѣшнее время. Благодатная, спасительная сила Церкви Христовой не оскудѣла и теперь. Не задолго до кончины преподобнаго Серафима одинъ инокъ, удивляясь его подвижнической жизни, спросилъ: «почему мы, батюшка, не имѣемъ такой строгой жизни, какую вели древніе подвижники благочестія»? «Потому,»—отвѣчалъ старецъ, «что не имѣемъ къ тому рѣшимости. Если бы рѣшимость имѣли, то и жили бы такъ, какъ отцы, древле просіявшіе подвигами и благочестіемъ: потому что благодать и помощь Божія къ вѣрнымъ и всѣмъ сердцемъ ищущимъ Господа нынѣ та же, какая была и прежде, ибо, по слову Божию, Иисусъ Христосъ *«вчера и днесъ, той же и во вѣки»* (Евр. 13, 8). Все дѣло въ насъ самихъ, нашемъ собственномъ стараніи и усердіи: благодатная помощь Божія всегда для насъ готова. Есть у насъ и примѣры, образцы для подражанія въ дѣлѣ спасенія, это—святыя угодники Божіи. Они—наши учителя и наставники въ добрѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и молитвенники и заступники наши предъ Богомъ.

Будемъ подражать вѣрѣ ихъ, учиться у нихъ труду, молитвѣ, посту, терпѣнію, незлобію, любви къ ближнимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ возможно чаще обращаться къ нимъ съ молитвою и просить ихъ о помощи. Будемъ помнить и не забывать слова преподобнаго Серафима: «когда меня не станетъ, вы ко мнѣ на гробикъ ходите... Все, что есть у васъ на душѣ, что бы ни случилось съ вами, о чемъ бы ни скорбѣли, придите ко мнѣ, да все горе съ собой-то и принесите на мой гробикъ! Припавъ къ землѣ, какъ живому, все и расскажите, и услышу я васъ, вся скорбь ваша и отлетитъ и пройдетъ».

Если при жизни своей угодникъ Божій всѣхъ любилъ, за всѣхъ мо-

лился и всѣмъ готовъ былъ помочь, то какъ онъ не услышитъ нашу молитву теперь, Богомъ прославленный. Жизнь его да будетъ для насъ постояннымъ урокомъ и наставленіемъ.

Сергіевскаго всей артиллеріи собора протоіерей Іоаннъ Моревъ.

Совѣты священника воинамъ предъ выступленіемъ ихъ въ лагерный сборъ.

Помолившись съ вами, христілюбивые воины, о благополучномъ путешествіи вашемъ въ предстоящій лагерный сборъ и благополучномъ возвращеніи вашемъ, обращаюсь къ вамъ съ краткимъ напутственнымъ словомъ. Размышляя о предстоящихъ вамъ трудахъ, я вспомнилъ слова Спасителя нашего изъ притчи Его о талантахъ: *«хорошо, добрый и вѣрный рабъ! въ маломъ ты былъ вѣренъ: надъ многими тебя поставлю; войди въ радость господина твоего»* (Мѣ. XXV, 21). Такъ похвалилъ, въ сказанной Спасителемъ притчѣ, господинъ двухъ усердныхъ своихъ рабовъ, которые оправдали его довѣріе. Постарайтесь и вы, воины христілюбивые, заслужить такую же похвалу отъ своего начальства.

Предстоящіе ваши труды и занятія служатъ провѣркой вашихъ знаній, вашихъ способностей и усердія послужить родинѣ въ минуту опасности. Предстоящій походъ вашъ служитъ изображеніемъ похода на войну, а предстоящіе маневры служатъ изображеніемъ военныхъ дѣйствій. Кто изъ васъ безъ ропота перенесетъ всѣ тяжести и неудобства похода, кто внимательно и усердно будетъ выполнять всѣ возлагаемыя на него порученія и задачи въ маневрахъ, кто покажетъ въ этихъ маневрахъ свою находчивость и мужество, тотъ и есть настоящій воинъ, вѣрный слуга Царя и Отечества, на такого воина смѣло можно положиться и во время войны, если бы она случилась. Такому воину по окончаніи маневровъ начальство скажетъ свое спасибо. А который воинъ нерадѣетъ объ исполненіи своихъ обязанностей въ походѣ и на маневрахъ, тотъ ненадежный слуга Царю и отечеству, на такого воина нельзя будетъ положиться въ военное время.

Вотъ поэтому то, выступая нынѣ въ походъ, всѣ вы, христілюбивые воины, какъ младшіе, такъ и старшіе, подчиненные и начальствующие,

должны вспомнить слова нашей присяги: «служить Государю и Отечеству вѣрно и не лицемѣрно, не шадя живота своего...» Помните, что предстоящіе вамъ труды—серьезное дѣло, что эти труды имѣютъ великое значеніе въ дѣлѣ подготовки нашего войска къ защитѣ отечества. Возлюбленный нашъ Монархъ, заботясь о благѣ своихъ подданныхъ, не жалѣетъ никакихъ средствъ на вооруженіе и обмундированіе своего войска для того, чтобы оно могло успѣшно вступить въ борьбу со врагами отечества, если бы они напали на насъ. Но какъ узнать, насколько пригодно наше вооруженіе и обученіе, насколько удобны наше обмундированіе и снаряженіе? Для этого то и существуютъ мирные походы и маневры, во время которыхъ и дѣлается высшимъ военнымъ начальствомъ провѣрка воинскаго обученія, вашего вооруженія и снаряженія, опредѣляется степень готовности вашей встать на защиту отечества.

«*Богъ намъ приближище и сила, скорый помощникъ въ бѣдахъ*» (Псал. 45, 2); — «*Ангелъ Господень сползается вокругъ болящихся Его и избавляетъ ихъ*» (Псал. 33, 8), гласитъ намъ слово Божіе.

Протоіерей 51-го пѣх. Литовскаго полка Павелъ **Преображенскій**.

Рѣчь о любви къ отечеству и преданности къ Царю.

(По поводу войны съ Японіей).

Православные христіане! Грянулъ громъ, разразилась буря надъ нашимъ отечествомъ. Господу Богу, по не постижимымъ Его путямъ, благоугодно было послать на нашу дорогую родину тяжелое испытаніе. Заносчивая, языческая Японія, подстрекаемая завистливыми недругами нашими, безчестнымъ безъ объявленія войны нападеніемъ на насъ, вызвала на борьбу нашего возлюбленнаго Государя и безпредѣльно любимую родину. До послѣдней минуты весь русскій народъ не раставался съ надеждой на сохраненіе мира и молчалъ: «да мимо идетъ чаша сія», но случилось иное, и теперь на устахъ у всѣхъ «да будетъ воля Господа, который держитъ въ Своихъ рукахъ судьбы народовъ и царствъ».

Сознавая всю тяжесть ниспосланнаго намъ Господомъ испытанія и трудность настоящей войны, не будемъ впадать въ уныніе, твердо уповая, что Господь пошлетъ намъ Свою помощь и благословить наше оружіе.

Наша увѣренность въ благополучномъ и счастливомъ исходѣ войны основывается, прежде всего, на сознаніи нашей правоты. Изъ Высочайшаго манифеста мы знаемъ, что нашъ Государь, извѣстный всему міру Своимъ миролюбіемъ, создатель Гаагской мирной конференціи, въ заботахъ о сохраненіи мира, прилагалъ всѣ усилія для упроченія спокойствія на Дальномъ Востокѣ; но Японія не хотѣла мира, а желала войны и прервала съ Россіей переговоры, не дождавшись даже отвѣтныхъ предложеній отъ нашего правительства, напала на насъ.

«На начинающаго Богъ», справедливо говоритъ народная мудрость, стало быть вся отвѣтственность за исходъ войны должна пасть на Японію. Россія, не желавшая войны, не готовилась къ ней и не сосредоточила на Дальномъ Востокѣ большихъ всенныхъ силъ, чтобы сразу же наказать дерзкаго врага, но «не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ», сказано еще св. Александромъ Невскимъ; наши малочисленныя, но храбрыя войска сумѣли дать отпоръ врагу и придеть время, когда русскія войска заставятъ смириться гордаго врага.

Силы Россіи велики и главная наша сила состоитъ въ крѣпкой связи всего народа русскаго съ нашимъ Государемъ; эта связь воспитана въ сердцахъ и умахъ народныхъ ученіемъ православной христіанской вѣры и обнаруживалась съ особенной силой въ трудныя години жизни народной и помогала выйти нашей родинѣ изъ трудныхъ испытаній побѣдительно. Вся исторія наша служитъ подтвержденіемъ этой истины. Въ XIII вѣкѣ, Русь раздробленная на многіе удѣлы, не имѣвшая единства управленія и твердой власти, подпала подъ иго монголовъ, но, объединивъ свои силы подъ единой самодержавной властію царей Московскихъ, свергла ненавистное иго и развилась въ могущественное государство. Потомъ, въ тяжкое время междоусобія, Россія, лишившись верховнаго Главы, окруженная со всѣхъ сторонъ сильными врагами, терзаемая внутренними смутами, едва не подпала чужеземной власти; но поддерживаемая православіемъ и мыслию о самодержавной православной власти воспрянула духомъ, избрала на царскій престолъ родоначальника дома Романовыхъ Михаила Ѳеодоровича Романова и съ честію и славою вышла изъ испытанія. Въ 1812 году, когда всѣ народы Европы, подъ предводительствомъ знаменитаго полководца На-

полеона, вторгнулись въ нашу родину, русскій народъ не палъ духомъ и призванный своимъ Царемъ на защиту, поднялся противъ врага, какъ одинъ человѣкъ, пожертвовалъ всѣмъ, даже первопрестольной столицей Москвой, для спасенія отечества, изгналъ врага изъ предѣловъ нашихъ, свергъ съ престола Наполеона и продиктовалъ почетный миръ въ столицѣ врага. Съ честію выдержала Россія неравную борьбу подъ стѣнами Севастополя, огласила громомъ побѣдъ Балканскія горы и вызвала къ самостоятельной политической жизни родственныи намъ народъ — Болгарь. Всѣ эти славныя страницы изъ исторіи Россіи повѣствуютъ о высокихъ чувствахъ любви нашего народа къ отечеству и преданности къ Государю и что въ единеніи нашемъ съ Царемъ мы не побѣдимы. И замѣчательно, что послѣ испытаній, пережитыхъ Россіей, она не ослабѣвала, а крѣпла, обновлялась и быстро шла по пути развитія.

И теперь, едва раздался съ высоты престола призывъ вооруженною силою отвѣтить на вызовъ Японіи, какъ проснулась Русь великая, святая, забыла внутреннія неурядицы, отбросила постыдное равнодушіе къ родинѣ и самоуниженіе, которыми, къ сожалѣнію, многіе изъ русскихъ людей были заражены, всѣ мы и старые и молодые и ученые и простые вспомнили, что у насъ есть отечество, Богъ и Царь, почувствовали какъ дорога намъ родина и честь народная и прониклись убѣжденіемъ, что хотя

«Жизнь въ краю чужомъ, богатомъ

И свѣтла и хороша,

Все жъ невольно къ бѣднымъ хатамъ

Рвется русская душа,—

Рвется въ край, гдѣ горя много,

Скучно темное житье,

Гдѣ все хмуро и убого,—

Но родное и все».

Это-то родное и свое заставило встрепенуться весь народъ, начиная съ Москвы, кончая отдаленными селами, до сего времени и не слыжавшими даже о Японіи; льются пожертвованія отъ миллионъ до трудовой копѣйки, рвутся на бой съ врагомъ, оскорбившимъ насъ, безъ призыва, а добровольно, стремятся послужить родинѣ и мужчины и женщины: желающихъ встать въ ряды защитниковъ и милосердныхъ сестеръ такъ много, что нѣтъ возможности всѣхъ принять. И идутъ туда не ради славы и отличій, а для исполненія святого долга—любви къ родинѣ, идутъ не съ уныніемъ въ

душѣ, а бодрые духомъ и сознавая всю трудность и святость предстоящаго имъ подвига, готовятъ себя къ этому подвигу, подобно предкамъ нашимъ, молитвою, покаяніемъ и приобщеніемъ св. Таинъ. Такъ сдѣлали славные военачальники нашихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, генераль Куропаткинъ и адмираль Макаровъ, отправляясь на театръ военныхъ дѣйствій.

Народное воодушевленіе, общее желаніе поработать на пользу отечества противъ врага, готовность положить жизнь за царя и честь родины даютъ намъ право надѣяться, что среди защитниковъ отечества, несомнѣнно, есть много воиновъ, подобныхъ Архиу Осипову, Ѳомѣ Данилову, Агафону Микитину, готовыхъ на все за честь и славу родины. Да и явились уже подобные герои, въ лицѣ славныхъ моряковъ «Варяга» и «Корейца», явятся и великіе полководцы, подобные Суворову, Скобелеву, — «война родитъ героевъ», есть у насъ поговорка.

А сколько молитвенниковъ предъ Господомъ имѣеть за себя православный народъ. Св. братья Борисъ и Глѣбъ, благовѣрный князь Александръ Невскій, преп. Сергій, св. Петръ, Алексій, Іона, Филиппъ, святители Московскіе, преп. Серафимъ и множество другихъ; въ трудныя години они не оставляли насъ своимъ предстательствомъ предъ Господомъ, вѣримъ, что они не оставятъ и въ нынѣшнюю годину нашу родину безъ своей небесной помощи.

При такомъ подъемѣ силъ народныхъ и въ надеждѣ на помощь свыше, мы смѣло можемъ повторить слова поэта:

«Но и въ черную годину,
 Посреди борьбы неравной,
 Не погибнетъ Русь святая,
 И народъ нашъ православный.
 И съ враждою, и съ бѣдою
 Онъ управится сумѣетъ,—
 Все онъ, стойкій, переможетъ.
 И дождется, и добьется
 Онъ, за всѣ свои невзгоды,
 Царства свѣта, царства правды,
 Царства мира и свободы».

(«Смерть патріарха Гермогена». Розетеймъ).

А мы, не призванные въ ряды защитниковъ, не ужели останемся равнодушными зрителями борьбы нашихъ братьевъ съ врагомъ? Конечно нѣтъ.

Каждый изъ насъ, по мѣрѣ возможности, долженъ подѣлиться своей трудовой копѣйкой на нужды военнаго времени, — это первая наша обязанность; а затѣмъ должны углубить свои молитвы за Царя и отечество, чтобы Господь даровалъ имъ скорую и славную побѣду и помогъ перенести трудности войны, чтобы Онъ далъ царство небесное воинамъ, положившимъ свою жизнь въ дѣлѣ ратномъ и утѣшилъ бы вдовъ и сиротъ. Легкомысленнымъ людямъ, которые вѣрятъ всякимъ вздорнымъ слухамъ и сами ихъ распространяютъ, слѣдуетъ напомнить совѣтъ нашего поэта:

«Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить,
У ней особенная стать,—
Въ Россію можно только вѣрить».

(Тютчевъ).

Будемъ же вѣрить въ нашу силу и мощь. Да процвѣтаетъ родина наша, да царствуетъ Царь нашъ на славу намъ, на страхъ врагамъ и да разумѣютъ языцы, яко съ нами Богъ!

Стрѣлковой Офицерской Школы протоіерей Григорій Лапшинъ.

Религіозно-нравственный обликъ севастопольскихъ героев по рукописямъ очевидцевъ и участниковъ Севастопольской обороны¹⁾.

«Глубоко убѣжденъ, что святыя примѣры доблестнаго исполненія своего долга, завѣщанныя намъ прежними поколѣніями, будутъ всегда воодушевлять грядущія поколѣнія».

Слова Его Императорскаго Величества, Государя Императора Николая Александровича, изъ телеграммы въ полувѣковой юбилей Синопскаго боя, 18-го ноября 1903 года.

Въ Саровѣ нѣкоторыя высокія особы, пораженныя величіемъ народнаго духа, съ удивленіемъ говорили: это дѣти природы (ихъ не коснулась цивилизація), но откуда у нихъ такая высота духовнаго настроенія?» (Церков.

¹⁾ Въ предлагаемомъ очеркѣ Севастопольцы представляютъ собою высокій примѣръ христіанскихъ героевъ, полныхъ вѣры, надежды и любви къ Богу и ближнему.

Въ предупрежденіе упрека, что я, какъ не специалистъ, священникъ, не бывавшій на войнѣ, не испытавшій на себѣ, что переживаютъ душой участники боевой жизни, могу приписывать героямъ чувства, какихъ они никогда не имѣли, — въ предупрежденіе этого, — я ни слова не пишу отъ себя, предоставляю изложеніе самимъ героямъ, а читателямъ предлагаю самимъ заключать о внутреннемъ состояніи героевъ. Если отъ этого нѣсколько страдаетъ плавность и стройность изложенія, за то исключается всякій поводъ къ недоумѣнію.

Авторъ.

Вѣдом. 1903 г. № 33 стр. 1260). Господь Иисусъ Христосъ, читаемъ въ Евангеліи, изрекъ такія молитвенныя слова: «славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаилъ сіе отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ то младенцамъ; ей Отче! ибо таково было Твое благоволеніе» (Матѣ. XI, 25, 26).

И учениковъ Себѣ Онъ избралъ изъ такихъ же дѣтей, но полныхъ вѣры и надежды на Бога, полныхъ любви къ Богу, которою научились они любить и ближнихъ, даже враговъ.

Господь, немощная врачуя и оскудѣвающая восполняя, ихъ, неученыхъ, одаряетъ мудростію, робкихъ — мужествомъ, преодолюющимъ страхъ смерти.

Нашъ народъ русскій научается съ малыхъ лѣтъ вѣровать въ Бога, надѣяться на Бога, любить Бога, всего себя предавать въ волю Божию, на рукахъ матери обучается креститься, изъ устъ матери учить молитвы, потомъ въ храмѣ Божиѣмъ богослуженіями, молитвами и таинствами воспитывается.

Храмъ для него и школа, и мѣсто отдыха, и радости духовной и утolenія печали.

Эти качества русскаго народа раскрываютъ сами своими словами герои Севастополя.

Ихъ записки и письма, изъ коихъ многія писаны на полѣ брани подъ страшнымъ огнемъ бомбардировки, при ежеминутномъ ожиданіи смерти, собраны Государемъ Императоромъ Александромъ III въ бытность Его Наслѣдникомъ, лично знавшимъ еще многихъ живыхъ героевъ, собраны со всѣхъ концовъ Россіи и напечатаны по указанію Его Величества.

Увлеченіе, неправда, если бы могли быть въ нихъ, сейчасъ бы обнаружались при сличеніи писемъ, при бесѣдѣ съ живыми героями. Потому слова героевъ, заслуживая полнѣйшей вѣры, должны быть выше всякихъ позднѣйшихъ описаній, умозаключеній и выводовъ.

Мы не будемъ описывать какое нибудь одно дѣло, или одну мѣстность или одинъ моментъ осады, а попросимъ героевъ, какъ бы въ бесѣдѣ между собою, одинъ другого дополняя, описать состояніе духа воинства русскаго во время осады, въ битвѣ, послѣ битвы, въ больницѣ, на отдыхѣ, при отступленіи, при посѣщеніи Царя, — совокупляя случаи изъ различныхъ битвъ, изъ различныхъ мѣстностей и изъ различнаго времени Севастопольской обороны.

Только событія 27-го августа 1855 года изложимъ подробно, чтобы ясно было видно, что герои оставили Севастополь противъ своей воли, по высшимъ соображеніямъ начальства, послѣ кровопролитнаго, славнаго боя, когда приступы непріятеля отовсюду были отбиты, кромѣ Малахова кургана (занятаго французами), который «солдаты рвались отобрать обратно» (I т. 174 стр.).

Предоставимъ слово героямъ. Это слово можетъ служить завѣтомъ воинству русскому въ его служеніи Богу, Царю и Отечеству.

«Вѣра въ Промыселъ Божій есть единственный якорь спасенія во всѣхъ случаяхъ, какъ-бы ни казалась неизбежною опасность, какъ-бы ни близкою казалась смерть.

Сколько разъ, какъ припоминаю теперь, приходилось слагать въ памяти молитвы, которымъ въ самомъ раннемъ возрастѣ обучала мать... и которыя, стыдно признаться, казались забытыми... Тамъ, на полѣ брани онѣ припомнились и перечитывались со всею точностію... Молитесь, юные будущіе ратоборцы, и Богъ, во всемъ помогая вамъ, сохранить вамъ жизнь, на благо вашихъ родныхъ, на пользу общества и государства!

Въ продолженіе этой (Севастопольской) почти годовой бойни, а до того еще въ четырехъ сраженіяхъ на Дунаѣ, много видѣлъ я смертей, жертвъ. Много падало сраженныхъ, рядомъ стоявшихъ со мною, я же отдѣлывался контузіями, ушибами—не болѣе, ибо меня охраняло благословеніе крестной матери моей, довольно объемистый и тяжеловѣсный «Образъ Пресвятыя Богородицы: умягченіе злыхъ сердець» который, надѣвъ однажды, я никогда не снималъ съ груди. Нынѣ же храню эту икону, какъ чудотворную» (Евген. Романов. Корженевскій. Т. III, стр. 47, 48 и 103).

«Не могу никакъ объяснить себѣ чувство, какое я питалъ къ кресту, который ношу на своей груди; это было благословеніе бабушки, когда у меня была нога сломана, и потомъ папаши, когда я ѣхалъ на службу въ Севастополь.

Мнѣ кажется, что пока этотъ крестъ на мнѣ, то я огражденъ отъ всѣхъ несчастій; и это убѣжденіе во мнѣ такъ сильно, что когда я даже бываю занятъ дѣломъ, то вдругъ схватываюсь рукою за грудь, чтобы удостовѣриться, не упалъ ли какъ-нибудь крестъ, т. е. не оборвался ли шнурокъ. Мнѣ самому пріятно, что я имѣю такое убѣжденіе, и оно явилось у меня послѣ Синопскаго сраженія. У насъ на каждой батарее есть свой образъ;

эти образа устроятся матросами же, и каждый день вечеромъ передъ ними теплятся лампы и свѣчи. И что всего умильнѣе смотрѣть, это какъ наши солдаты и матросы, не смотря на изрядно—летающія бомбы и пули, съ полнымъ усердіемъ молятся предъ изображеніемъ ликовъ Святыхъ, и конечно, хоть у нихъ нѣтъ глубокаго смысла въ молитвахъ, потому что всѣ молитвы они соединяютъ въ одну, но тѣмъ не менѣе они молятся искренно и ихъ молитва всегда доступнѣе какъ устремленіе сердца къ Богу». (Петръ Иванов. Лесли, кап.-лейт. Т. II, стр. 395—396).

«На каждомъ бастионѣ, гдѣ нибудь въ углу помѣщались образа, и передъ ними и день и ночь горѣло множество свѣчей. Картина эта, особенно ночью, во время страшной трескотни, растерзанныхъ труповъ, вздоховъ изувѣченныхъ страдалцевъ, какъ то особенно дѣйствовала успокоительно.

Сюда сносили всѣхъ перебитыхъ въ продолженіе ночи, клали на землю въ одну шеренгу, каждому убитому солдату давали свѣчу въ руки. Убитые лежали до утра». (Валер. Зарубинъ. Т. II, стр. 455).

«Въ исходящемъ углу (4-го бастиона) былъ прибитъ у насъ къ столбику образъ Спасителя, который такъ чудно сохранился до моего ухода съ бастиона т. е. до 29-го мая (и до конца осады). Однажды пришелъ къ намъ мужичекъ, пріѣхавшій изъ Москвы, и просилъ показать ему бастионъ нашъ, о которомъ, какъ онъ говорилъ, такъ много пишутъ... Отъ всего видѣннаго онъ былъ въ восторгѣ, а главное его радовало то, что удалось ему побывать на 4-мъ бастионѣ и видѣть образъ Спасителя, такъ чудно сохранившійся въ исходящемъ углу». (Капитанъ I-го ранга Реймерсъ. Т. I, стр. 33 и 41).

«Сколько намъ присылаютъ изъ разныхъ мѣстъ образовъ разной величины, изъ одного Кіева выслано до семи тысячъ». (Ген. Семякинъ. Т. III, стр. 137).

«Въ офицерскомъ блиндажѣ въ углу былъ образъ предъ которымъ и день и ночь теплилась лампада. Деньги на масло собирались съ офицеровъ и лежали у образа». (Валер. Зарубинъ. Т. II, стр. 461).

«При потопленіи нашего флота въ бухтѣ, одинъ изъ кораблей, не помню навѣрное, 12 Апостоловъ или 3-хъ святыхъ, не могъ потонуть,—хотя и былъ просверленъ,—до тѣхъ поръ, пока не вспомнили, что забыта въ каютѣ икона, и только когда ее вынесли, корабль мгновенно погрузился». (Полковникъ Сануньевъ).

А это чудо замѣтилъ я. «Безъ сомнѣнія; но это дѣйствительно было такъ». (Ген. Шульцъ. Т. III, стр. 370).

«Однажды ночью зашелъ я во флотскій блиндажъ погрѣться, сѣлъ противъ дверей и, согрѣвшись, вздремнулъ. Можетъ не прошло и получаса, какъ съ лѣвой стороны отъ меня, гдѣ стоялъ образъ морского вѣдомства и предъ нимъ теплилась лампада, слышу голосъ, кто то зоветъ меня по имени и отчеству; я всталъ и подошелъ къ тому мѣсту, но тутъ никого не было, кто бы могъ меня звать, а только спящіе моряки лежали на нарахъ. Въ это самое время, къ самымъ дверямъ блиндажа, гдѣ я только что сидѣлъ, упала пяти пудовая бомба, и въ тоже мгновеніе разорвалась и огромнымъ осколкомъ выбила дверь, разрушила нары и изувѣчила нѣсколькихъ лежавшихъ на нихъ моряковъ. Меня же какая то непостижимая сила отвела, и я по милости Божіей остался цѣлъ и невредимъ, и это чудо я многимъ рассказывалъ и всѣ дивились, какъ Богъ сохранилъ меня». («Севастополецъ». Т. II, стр. 21—22).

«Жутко дѣлалось на душѣ; явилась безотчетная потребность втайнѣ помолиться о собственномъ спасеніи. «Безъ Бога,—не до порога», говоритъ пословица. Да и какъ было не помолиться въ подобную минуту. Особенно краснорѣчивыми казались мнѣ выраженія лицъ нашихъ запыленныхъ и загорѣлыхъ солдатъ, ограждавшихъ себя на ходу крестнымъ знаменіемъ въ то время, какъ уста лепетали молитву.

Между нашими солдатами встрѣчались столь набожные люди, что въ продолженіе цѣлой осады или пребыванія на бастіонахъ, давъ себѣ обѣтъ, не употребляли не только водки, но даже мясной и всякой скоромной пищи». (Евг. Роман. Корженевскій. Т. III, стр. 19—20 и 55).

«Никогда не забуду тотъ моментъ, когда, въ первый день бомбардированія, Корниловъ, Нахимовъ, Тотлебенъ и почтенный священникъ съ крестомъ, благословляя всѣхъ, обходили бастіоны. Съ какимъ чувствомъ каждый изъ насъ подходилъ къ кресту, и какъ одушевляли насъ своимъ спокойнымъ духомъ всѣ эти достойные люди». (Кап. I ранга Реймерсъ. Т. I, стр. 30).

«15-го сентября совершенъ былъ вокругъ южной оборонительной линіи крестный ходъ, по окончаніи котораго Корниловъ обратился къ войскамъ съ энергической рѣчью, заключивъ ее слѣдующими замѣчательными словами: «знайте, ребята, что отступленія не будетъ, и если кто услышитъ, что я скомандую отступленіе,—пусть меня заколетъ!» (Георг. Чаплинскій. Т. II, стр. 49).

«На страстной недѣлѣ отговѣли и приобщались Св. Тайнъ Христовыхъ». (Зарубаевъ. Т. II, стр. 439).

«27-го марта наступилъ Свѣтлый праздникъ, встрѣченный и въ Севастополѣ по православному обычаю. Ночью въ церквахъ шла всенощная и потомъ обѣдня, послѣ чего священники отпраздновали на бастионахъ, отслужили молебны и окропили народъ св. водой». (Георг. Чаплинскій. Т. II, стр. 130).

«6-го августа, по случаю праздника, передъ экипажнымъ образомъ, поставленнымъ посрединѣ блиндажа, горѣло множество свѣчъ. Свѣтъ, однако, отъ нихъ довольно слабо разливался по низкому и узкому пространству. Во время смѣны у входа собралось больше десяти офицеровъ: пѣхотинцы, моряки и саперы. Вдругъ вбѣжалъ матросъ съ крикомъ «идеть». Мы оглянулись. Вслѣдъ за нимъ по намокшимъ землянымъ ступенямъ катилась довольно солидная граната. Видя такую гостью, всякій инстинктивно прижался къ стѣнѣ, съ замираніемъ слѣдя, какъ шипя мелькала трубка. Граната томила довольно долго. Наконецъ раздался взрывъ и блиндажъ наполнился дымомъ. Свѣчи все потухли, и въ темнотѣ каждый изъ насъ, чувствуя себя неповрежденнымъ, мысленно прощался съ сосѣдомъ. Каково было общее удивленіе, когда оказались все живы и цѣлехоньки. Осколки, врѣзавшись въ наматы блиндажа, никого не задѣли. Спавшій тутъ же неподалеку матросъ такъ и не проснулся, ни отъ взрыва лопнувшаго снаряда, ни отъ усерднаго дерганья и толчковъ, которыми мы, предполагая его по меньшей мѣрѣ контуженнымъ, старались привести въ чувство. Матросъ порадовалъ насъ новымъ сюрпризомъ, высказавъ свое недоумѣніе: какимъ чудомъ не взорвало поставленные вблизи входа за тонкой досчатой перегородкой четыре боченка съ порохомъ». (Подполковникъ Розинъ. Т. II, стр. 273—274).

«Единственная наша надежда это Господь Богъ, который только одинъ нашъ Помощникъ и Покровитель!

Такой духъ составлялъ нравственную силу обороны; и если вѣрно то мнѣніе Наполеона I, что въ дѣлахъ войны нравственная сила составляетъ три четверти, а матеріальная только одну четверть успѣха, то ясно станеть, почему Севастополь стоялъ такъ долго». (Лесли. Т. II, стр. 413. Воспом. и разсужденія).

«Долгъ обзываетъ терпѣть, внутренно бороться, полагаясь во всемъ на волю Божію». (Евг. Ром. Корженевскій. Т. III, стр. 47).

«Служба въ Севастополѣ становилась чѣмъ далѣе, все труднѣе, физи-

чески и нравственно Въ защитникахъ преобладало два чувства: съ одной стороны — одушевленіе и сознание необходимости отстаивать во что бы то ни стало Севастополь, принесшій уже столько жертвъ, съ другой стороны испытывалось какое то давящее, тяжелое чувство. Хотя всѣ стерпѣлись, но постоянная трескотня, свистъ пуль, безпрестанные крики сигнальщика: «берегись, бомба... берегись, пушка»; часто стоишь, тамъ извѣстіе, что ранило того-то, близкаго, иногда хорошаго отважнаго солдатика или матроса, — все это ложилось тяжелымъ гнетомъ на душу.

При обязанности, въ бесѣдѣ, за книгой, за кашей тотъ же трескъ, все тоже «берегись», все тоже постоянная и постоянная опасность».

Солдаты и матросы, на работѣ, въ переходѣ, въ одиночной посылкѣ, на отдыхѣ, снать ли, пищу ли варять, ѣдятъ ли, — все надъ ними тотъ же трескъ, или того подобеть, или другого совсѣмъ выхватить. Такое то тупое, одуряющее состояніе овладѣвало людьми; отдыхъ былъ даже нравственно томительнѣе: обидно какъ то казалось солдатикамъ терять спящаго товарища и то всю ночь помучившагося на работѣ». (Геор. Чаплинскій. Т. II, стр. 149—150).

«Когда я сказалъ солдатикамъ: кажется... непріятель опять готовится идти на приступъ, они всѣ отвѣтили:» что-жъ, ваше благородіе, хоть два раза въ день пускай идетъ, мы только этого и желаемъ, а то не дай Господи бомбардировки; сильно она насъ смущаетъ, и слишкомъ много выбываетъ изъ нашихъ рядовъ.

Всякій изъ нихъ готовъ хоть сейчасъ же двинуться впередъ, и можно навѣрно сказать, что не устоятъ бы французамъ. Повѣрите ли, друзья мои, что штурмъ въ сравненіи съ бомбардировкой веселое дѣло; по крайней мѣрѣ интересно, и не разъ мы всѣ заливались хохотомъ, когда колонны французовъ, идя бодро впередъ, вдругъ какъ зайцы поворачивали назадъ и бѣгомъ отправлялись въ балку. Что говорить, можетъ быть и тутъ бываетъ жарко, если взлѣзутъ въ самое укрѣпленіе; но все-таки лучше, чѣмъ хладнокровно смотрѣть какъ одной бомбой вырываетъ нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Солдаты наши дѣйствовали во время штурма такими молодцами, что и описать нельзя; всякій изъ нихъ лѣзъ на валъ, чтобъ удобнѣе было стрѣлять, и вмѣстѣ съ этимъ сталкивать непріятеля, если въ случаѣ кто нибудь изъ нихъ рѣшился бы влѣзть на курганъ.

Съ каждымъ днемъ видишь все больше и больше, что съ такими войсками можно не имѣть никакихъ препятствій. И что же? Такіе золотые

люди просто тають отъ бомбъ. Сердце болитъ, видя, что совершенно безъ всякой пользы погибають цѣлыя тысячи просто золотыхъ людей. Русскіе знамениты своимъ движеніемъ впередъ; ужъ если пойдутъ, то ихъ ни чѣмъ не остановишь. Съ такимъ войскомъ, при хорошихъ распоряженіяхъ, можно дѣлать чудеса; да Суворовъ это и доказалъ. Но, конечно, если сидѣть у моря, да ждать погоды, то всякая энергія пропадетъ; особенно, когда дуютъ со всѣхъ сторонъ и бомбами, и ядрами, такъ что и вздохнуть некогда. Съ каждымъ днемъ дѣлается все труднѣе и труднѣе. Такъ все опротивѣло, что ей, ей—силъ нѣтъ! и готовъ бы былъ пойти сейчасъ же на каторжную работу въ Сибирь, хоть на цѣлый вѣкъ, лишь бы выйдти изъ Севастополя; потому что видѣть ежеминутно передъ собою страданія людей,—нѣтъ силъ! И кромѣ того, знаешь почти навѣрно, что непріятель не держитъ большихъ войскъ на батареѣ, и поэтому у него и урона нѣтъ такого какъ у насъ. Но досаднѣе всего, это то, что на каждый нашъ выстрѣлъ они отвѣчаютъ десятью. Наши заводы не успѣваютъ дѣлать такого количества снарядовъ, какое нужно выпускать, чтобы нанести хоть небольшой вредъ непріятелю; и кромѣ того подвозъ на телѣгахъ гораздо неудобнѣе, чѣмъ подвозъ на пароходахъ, на которыхъ непріятель доставляетъ все, что только ему нужно». (Петръ Иван. Лесли. Т. II, стр. 391, 379, 409, 415 и 421).

«Батареи у нихъ все прибавлялись, такъ что (къ 27 августа) на одно наше орудіе приходилось отъ десяти до пятнадцати—непріятельскихъ». (Лагушинскій. Т. I, стр. 172).

«Если Севастополь будетъ потерянь, то по нашей винѣ. Эту вину мы и теперь оплачиваемъ жизнью многихъ тысячъ храбрыхъ воиновъ. Мы теряемъ ежедневно сотни ихъ, при бомбардированіи же тысячи. При строгомъ оборонительномъ положеніи необходимо было озаботиться устройствомъ достаточнаго количества блиндажей для скрытія людей, которые теперь какъ жертвы присылаются къ намъ изъ главной арміи.

Проектированные крѣпостныя верки остались только на бумагѣ въ архивѣ. До начатія осады почти ничего не было сдѣлано и все, что мы теперь имѣемъ, выполнено подъ огнемъ непріятеля.

Мы пропустили снова самый удобный моментъ для атаки непріятеля послѣ штурма. Сакенъ мнѣ говорилъ, что англичане отказались отъ новаго штурма, а Сардинцы совсѣмъ не хотятъ болѣе драться». (Ген. Шульцъ. Т. III, стр. 390, 391, 397 и 398).

«Говорятъ, что въ французскомъ лагерѣ послѣ отбитія штурма было нѣчто въ родѣ бунта; собрались огромными массами и кричали: долой Пелисье! Но на бѣду кто то закричалъ съзади: долой Наполеона! Да здравствуетъ республика! Всѣ и пристали къ этому голосу; а главнокомандующій въ это время, собравъ тѣхъ, которые вѣрны ему, усмирить бунтующуюся толпу. Въ случаѣ вторично неудачнаго приступа, у французовъ въ лагерѣ случится препорядочное дѣло, — кому-нибудь они свернутъ голову». (Лесли. Т. II, стр. 396).

«Я настоятельно просилъ о вылазкѣ, но тщетно.

Теперь всѣ кричатъ: почему не атаковали непріятеля зимою, когда плѣнные его плакали отъ холода. — Впрочемъ очевидцы ¹⁾ увѣряли меня, что и наши войска терпѣли жестокую нужду, иногда даже не имѣли хлѣба. Между тѣмъ Меньшиковъ отправлялъ самыя блестящія донесенія». (Ген. Шульцъ. Т. 3, стр. 401 и 413).

«Во все время пребыванія въ Севастополь, князь Меньшиковъ, вѣроятно по болѣзненному состоянію, какъ мы и слышали, не обладалъ прежними качествами ума». (Вл. Бейтнеръ. Т. III, стр. 353).

Свѣтлѣйшій нездоровъ, жаль смотрѣть на старика. (Ген. Семякинъ. Т. III, стр. 137 и 141).

«Вообще Севастополь въ тяжкіе и славные свои дни былъ какъ бы очистительной жертвой.

Справедливы и вѣрны были слова проповѣди преосвященнаго Иннокентія, когда онъ говорилъ: «что онъ пріѣхалъ не учить, а учиться самъ мужеству, храбрости и терпѣнію у защитниковъ Севастополя». Это не была пастырская скромность, или витіеватость, или игра словъ, — нѣтъ, эти истинныя слова выходили прямо изъ глубины души при видѣ всей окружавшей обстановки, и выражали вѣрно чувство каждаго посторонняго человѣка. Русскій солдатъ видѣлъ и сознавалъ неустойку, но терпѣливо сносилъ всѣ тягости осады, сознавалъ свое геройское положеніе, храбро переносилъ всѣ лишенія и невзгоды, терпѣлъ, надѣялся и не уступалъ непріятелю вершка земли» (Н. А. Горбуновъ. Т. I, стр. 74—75).

«Нравственный гнетъ находилъ какъ-то временно, можетъ быть подъ вліяніемъ воспоминаній о родной деревнѣ, о семьѣ; въ тревожныхъ мысляхъ, какъ то эта семья перенесетъ вѣсть о смерти, какъ то переживетъ трудное сиротство.

¹⁾ Генералъ Шульцъ пріѣхалъ съ Кавказа при кн. Горчаковѣ.

Но, не смотря на грустныя иногда мысли, исполненіе обязанностей всегда было безукоризненное; ни малѣйшей тѣни ропота. Одно ободряющее слово, обнадеживающее успѣхъ,—и забыть весь адъ, на устахъ улыбка и готовы идти куда угодно». (Геор. Чаплинскій. Т. II, стр. 150).

«Князь Горчаковъ личность не представительная: онъ дурно видитъ, но при взятіи Варшавы еще онъ видѣлъ какъ орелъ (стр. 395), скоро забываетъ о слышанномъ, и говоритъ весьма не разборчиво. Проходя по валтангу, не останавливаясь, онъ говорилъ нѣсколько словъ солдатамъ, но артиллеристы перваго отдѣленія могли слышать только начало, а другаго только конецъ, и ни тѣ, ни другіе ничего не поняли. Я повторялъ его слова за нимъ: — «Князь вами доволенъ и благодаритъ васъ» и т. п., на что солдаты отвѣчали въ полголоса—«рады стараться», когда уже князь прошелъ, и въ свою очередь не могъ ихъ слышать.

На исходящемъ углу бастіона Горчаковъ посмотрѣлъ черезъ амбразуру и и спросилъ меня: «Что эти за мѣшки впереди бастіоновъ?» — «Французскіе окопы». «Такъ близко?» — «Около 30 шаговъ отъ траншей за воронками».

Говорятъ, что князь Горчаковъ больше администраторъ, чѣмъ полководецъ. Дѣйствительно, при немъ содержаніе арміи гораздо лучше, но за то войско крайне раздроблено, а потому оно нигдѣ не достаточно сильно. Въ Перекопѣ, Геническѣ, Керчи, Феодосіи, Евпаторіи, Бахчисарафѣ, Шуль .. вездѣ отряды. При такой строгой оборонительной системѣ наступательныя движенія невозможны, если бы и достало на это энергіи.

Графъ Сакенъ высказалъ мнѣ необходимость беречь людей и не подвергать ихъ выстрѣламъ, и когда я возразилъ ему, что у насъ имѣется блиндажей только на 1/3 людей, а 2/3 принуждены стоять подъ открытымъ небомъ, онъ отвѣчалъ: «Это плохо, но у насъ недостаетъ ни времени, ни матеріала.

На князя Горчакова все болѣе и болѣе возрастаетъ общее неудовольствіе.

Войскъ прибыло достаточно, но всѣ они въ разбродѣ, и ничего серьезнаго не предпринимается противъ непріятеля, который совершенно безпрепятственно передъ нашими глазами возводитъ свои укрѣпленія.

Я видѣлъ князя Васильчикова, съ которымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ участвовалъ въ экспедиціи въ Чечнѣ, и Тотлебена — въ саду тропическихъ растений окруженнаго множествомъ инженерныхъ офицеровъ, планами и картами и занятого различными распоряженіями. Каждый высказывалъ свое мнѣніе и смотрѣлъ на дѣло Севастополя съ своей точки зрѣнія;

но всё сходились въ одномъ, — это въ обвиненіи Горчакова, что наши дѣла не подвигаются впередъ, чѣмъ всё особенно были встревожены». (Ген. Шульцъ. Т. III, стр. 420, 417, 395, 413, 406, 372 и 373).

«Болѣе всѣхъ высказывалъ неудовольствіе Пироговъ и говорилъ: «Меньшиковъ, погруженный въ себя, недověрчивый и скупой, но все-таки при немъ что нибудь дѣлалось. Единственный кто могъ бы поправить дѣло — это Тотлебенъ; но взгляните, какъ всё противъ него интригуютъ. Всѣ кричатъ, что онъ затѣваетъ безсмысленныя предпріятія, которыхъ нельзя привести въ исполненіе, а между тѣмъ планы его уже были фактически осуществлены. Такъ лучшее, что я могу сдѣлать, — проститься. При такихъ обстоятельствахъ для Севастополя нѣтъ спасенія».

Коцебу ¹⁾ сказалъ мнѣ: «Я надѣюсь удержать Севастополь, но полагаю, лучше пожертвовать имъ и спасти армію для Россіи, какъ единственную». — «Почему такъ, возразилъ я, армія содержится не для сохраненія ея, а для одержанія побѣды». — Эта вся наша единственная армія совершенно спокойно смотритъ, какъ непріятель передъ ея глазами постоянно укрѣпляется на нашей землѣ, заводитъ себѣ даже огороды, косить сѣно въ Байдарской долинѣ, рубить лѣсъ и пасеть свой скотъ (мы же платимъ за фуражъ втрое дороже противъ обыкновенныхъ цѣнъ), устраиваетъ даже казармы, завладѣлъ Керчью, Еникале и другими приморскими городами и распоряжается въ нихъ по произволу. Напротивъ того, мы сами взрываемъ наши батареи и порохъ, уничтожаемъ наши запасы и топимъ свои корабли». (Т. III, стр. 373 и 424. Пироговъ хирургъ).

«Откуда брались силы и терпѣніе. Ни одного слова ропота, одна покорность судьбѣ и безукоризненное усердіе къ работѣ, чтобы не отдать гнѣзда, съ которымъ мы такъ свыклись. Презрѣніе къ опасности до такой степени овладѣло всѣми, что мало обращали вниманія на выстрѣлы». (В. Зарубаевъ. Т. II, стр. 457).

(Продолженіе впереди).

¹⁾ Начальникъ штаба, гн. Горчакова.

† Незабвенный предсѣдатель Совѣта Московскаго Отдѣленія Общества попеченія о бѣдныхъ военнаго духовенства, комендантъ г. Москвы, генераль отъ артиллеріи Сергѣй Семеновичъ Унковскій.

(некрологъ).

13-го февраля сего 1904 года, въ 5 час. пополудни, на 75 году жизни въ Москвѣ скончался Сергѣй Семеновичъ Унковскій. Когда русскій народъ кого крѣпко и душевно полюбитъ за сердечную доброту, того обычно называетъ онъ по имени и отчеству, а титула, присвоеннаго любимому имъ лицу служебнымъ положеніемъ, употребляетъ избѣгаетъ.

Одного изъ старѣйшихъ русскихъ генераловъ-севастопольцевъ генерала отъ артиллеріи Унковскаго, занимавшаго высокій постъ коменданта г. Москвы, москвичи просто называли «Сергѣемъ Семеновичемъ» подобно тому, какъ въ доброе старое время извѣстнаго доктора Гааза вся Москва называла «Федоромъ Петровичемъ» или даже «нашимъ Федоромъ Петровичемъ». Вотъ эта-то кажущаяся свобода въ обращеніи, но на самомъ дѣлѣ основанная на глубокомъ уваженіи къ генералу Унковскому, какъ нельзя лучше свидѣтельствовала, что Москва искренно любила своего коменданта.

Доктора Гааза послѣ его смерти, народная толпа назвала «святымъ докторомъ», и про Сергѣя Семеновича, когда вѣсть о его смерти облетѣла по Москвѣ, москвичи, набожно крестясь, говорили: «да, это былъ святой человѣкъ», а интеллигенты со средоточеннымъ размысленіемъ произносили: «да, это былъ человѣкъ!»

Къ тѣмъ многочисленнымъ вѣнкамъ, которые были возложены на гробъ почившаго, намъ хотѣлось бы присоединить и отъ себя еще вѣнокъ. Я не смущаюсь, если этотъ вѣнокъ окажется не такимъ богатымъ и изящнымъ, какъ другіе: покойный болѣе всего цѣнилъ въ людяхъ задушевность, а мы вотъ, именно, отъ искренняго сердца и намѣреваемся говорить.

Припоминается мнѣ то время ¹⁾, когда Сергѣй Семеновичъ, отстоявъ обѣдню и выслушавъ молебень Преп. Сергію, имя котораго онъ носилъ, посѣщаль меня въ моей квартирѣ. «Какъ ваше здоровье? какъ выживаете? довольны ли вы своимъ положеніемъ?»—это первые были вопросы С. С., съ которыми онъ обращался ко мнѣ своимъ тихимъ привѣтливымъ голосомъ. Въ устахъ другого эти вопросы чаще всего звучатъ одною только

¹⁾ Тогда я былъ священникомъ Сергіевской лагерной, что на Ходынкѣ, церкви.

вѣжливостью, сквозь которую не трудно замѣтить холодность и даже безучастіе, но не то получалось впечатлѣніе, когда ихъ предлагалъ С. С. Чувствовалось, что ему было не безразлично и мое здоровье, и какъ я поживаю, и доволенъ ли я своимъ положеніемъ. Да не подумаетъ ктонибудь, что это впечатлѣніе было только моимъ, личнымъ; нѣтъ, всё говорили да несомнѣнно скажутъ и теперь, что С. С. въ каждомъ человѣкѣ, какое бы онъ положеніе не занималъ, видѣлъ ближняго своего, что отъ самыхъ простыхъ его словъ всегда вѣяло какою-то особенною теплотою. Любилъ покойный побесѣдовать о церкви Божіей и Христовой религіи. Во время этихъ бесѣдъ лицо генерала было всегда сосредоточенно-серьезно, а изъ его рѣчи, всегда обдуманной, видно было, что для него религія составляла все самое цѣнное и дорогое, что въ церкви православной съ ея уставами онъ видѣлъ божественное учрежденіе, что для него молитва была той любимой сферой, въ которой онъ жилъ, которую онъ дышалъ.

Это былъ вполнѣ православно-русскій человѣкъ, никогда не допускавшій обиднаго вмѣшательства въ дѣла священника. Иногда онъ дѣлился сообщеніями изъ своей богатой духовнымъ опытомъ жизни. «Я, вѣдь», говорилъ онъ однажды, «молодымъ еще офицеромъ участвовалъ въ Севастопольской кампаніи и былъ тяжко раненъ въ ротъ. Врачи стали усердно меня лѣчить, но я не такъ надѣялся на усилія врачей, какъ на Бога моего. Молитва и надежда на помощь Божію спасли меня отъ смерти. Вѣрю, что Самъ Богъ возвратилъ мнѣ жизнь... Я удивляюсь,—продолжалъ онъ, какъ это находятъ люди, которые будто бы въ Бога не вѣруютъ. Я положительно не допускаю, чтобы атеистъ въ своемъ безбожіи былъ искрененъ. Вотъ хотя бы взять во вниманіе нашу молодежь. Бравируетъ она, когда осмѣливается произносить, что Бога нѣтъ. И думается мнѣ, что если этихъ людей, бравирующихъ святымъ именемъ Бога, судьба испытаетъ, то они и Бога найдутъ и къ Нему Единому обратятся. Знаете ли пословицу: «громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится». Она къ нимъ относится; и нельзя не скорбѣть о нихъ».

Все это С. С. проговорилъ взволнованнымъ голосомъ, въ которомъ слышались нотки благороднаго сдерживаемаго гнѣва, а на глазахъ его дрожали слезы обиды за религію и сожалѣнія о заблуждающихся людяхъ.

Вотъ этого-то генерала-старца, какъ говорилъ о немъ проповѣдникъ съ церковной кафедрой, можно было видѣть далеко за полночь находящимся вмѣстѣ съ народомъ у Иверской или Пантелеймонской часовни въ святомъ

ожиданіи, когда откроются ихъ двери для богомольцевъ. Онъ, по вѣрному замѣчанію проповѣдника, по своей вѣрѣ всецѣло сливался съ нашимъ простымъ народомъ и нисколько не стыдился, что его генеральскій мундиръ былъ въ сосѣдствѣ съ зипунами и полушубками.

Тяжело было Сергѣю Семеновичу переживать первую недѣлю великаго поста, когда уже силы его оставили и онъ не могъ ходить. «Какая служба теперь умиленная совершается въ нашихъ церквахъ!»—говорилъ онъ въ первые дни недѣли,—«и какъ жаль, что я не могу сходить въ церковь Божію. Какъ хотѣлось бы мнѣ послушать великій канонъ Андрея Критскаго!» Внимательная дочь, услышавъ про желаніе своего отца, достала требуемую книгу и читала изъ нея вслухъ исповѣдь души, такъ трогательно выраженную въ словахъ великаго канона. «Помилуй мя, Боже!»—повторялъ старецъ тихо-тихо вслѣдъ за своею дочерью, и едва уже движущею рукой съ благоговѣніемъ творилъ на себѣ крестное знаменіе.

Такимъ именно послушнымъ сыномъ православной Церкви былъ достойный С. С. во всѣ дни своей жизни.

Что касается дѣлъ его милосердія къ ближнимъ, то трудно и даже невозможно перечислить ихъ. Какъ «милостивецъ», какъ «человѣкъ-другъ», онъ чрезвычайно вѣрно охарактеризованъ въ небольшой, но прочувствованной статьѣ, помѣщенной въ одномъ изъ Московскихъ духовныхъ журналовъ¹⁾.

«Сергѣй Семеновичъ», говорится въ ней, «не могъ относиться къ людямъ равнодушно, кто бы они не были: равные ему, выше или ниже его стоящіе въ общественной жизни, родные его или чужіе, онъ радовался ихъ радостями, горевалъ ихъ горемъ, помогалъ требующимъ помощи безъ различія, просили они сами о ней или нѣтъ... Москва постоянно видѣла своего коменданта разъѣзжающимъ на своей одиночкѣ, но эти поѣздки въ большинствѣ случаевъ предпринимались имъ по непреоборимой потребности творить добро. То ѣхалъ С. С. въ благотворительное учрежденіе пріютить какого-нибудь горемыку, то направлялся къ вліятельному лицу съ просьбой о какомъ нибудь нуждающемся. То С. С. старался опредѣлить сиротъ въ учебныя заведенія, то стариковъ и старушекъ въ богадѣлни, то просилъ мѣста для чиновника или простаго человѣка, то направлялъ богатаго человѣка на помощь бѣдняку, то просилъ прощенія или снисхожденія къ провинившемуся.

¹⁾ См. № 10 журнала «Кормчій» за этотъ годъ, стр. 39.

При томъ хлопоталъ о людяхъ близкихъ и постороннихъ, извѣстныхъ ему и неизвѣстныхъ, но съ одинаковымъ рвеніемъ, какъ будто всё они были его родные... Прибавимъ,—продолжаетъ далѣе авторъ статьи, очевидно близко знавшій почившаго,—что по деликатности своей натуры С. С. чувствовалъ себя неловко при выслушиваніи благодарности и старался всегда поскорѣе замаять такой непріятный для него разговоръ».

Я, какъ военный священникъ, признаю своимъ нравственнымъ долгомъ отмѣтить, что С. С., какъ предсѣдатель Московскаго Отдѣленія Общества попеченія о бѣдныхъ военнаго духовенства, принималъ самое горячее участіе въ дѣлахъ Общества. Съ его помощью оно возросло, окрѣпло и стало дѣйствительно благотворительнымъ Обществомъ. Не мало хлопотъ доставляло ему Общество по изысканію средствъ на вдовъ и сиротъ военнаго духовенства, и онъ находилъ ихъ. При немъ, въ теченіе сравнительно непродолжительнаго времени, однихъ пособій нуждающимся выдало Общество болѣе 7000 р. и при всемъ томъ общественныхъ денегъ скопилось до 5000 р. Въ постели, уже тяжело больной, С. С. не переставалъ интересоваться общественными дѣлами и 2-го февраля—въ день юбилея Общества¹⁾ собственноручно подписывалъ привѣтственные телеграммы на имя предсѣдателя Главнаго Совѣта генерала отъ инфантеріи Г. И. Бобрікова и О. Протопресвитера А. А. Желобовскаго.

Ему же, С. С., Московское военное духовенство обязано сооруженіемъ на Ходынкѣ величественнаго храма во имя Препод. Сергія. Какъ предсѣдатель комиссіи по постройкѣ этого храма, онъ восторженно, какъ дитя, радовался быстрому его сооруженію, а секретъ-то успѣха заключался въ томъ, что онъ умѣлъ найти жертвователей на это доброе дѣло, но честь созданія прекраснаго храма онъ никогда не приписывалъ себѣ, а благотворителямъ и только имъ.

Погребали С. С. 16-го марта при громадномъ стеченіи народа. Заупокойная литургія и отпѣваніе были совершены въ Николо-Стрѣлецкой церкви. Въ служеніи принимали участіе: Епископъ Пареній, временно замѣнявшій Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Владиміра, Епископъ Трифонъ, приходское духовенство и почти всё военные священнослужители г. Москвы.

¹⁾ Московское Отдѣленіе существуетъ только около 9 лѣтъ.

Чтобы отдать послѣднее цѣлованіе почившему, прибыли въ церковь всѣ представители военной и гражданской власти.

Гробъ подъ залпъ орудій опущенъ въ могилу, и мы, стоя около нея, говорили про себя, что благодарная вѣчная память о почившемъ въ московскомъ населеніи сохранится навсегда.

Миръ праху твоему, нашъ добрый и сердечный Сергѣй Семеновичъ!

Дьяконъ-производитель Совѣта Моск. Отдѣленія Общества попеч. о бѣдн. воен. духовенства,
Священникъ Василій Спасскій.

Содержаніе. Награды по вѣдомству Протопр. воен. и морск. дух-ва. — Преподобный Серафимъ, Саровскій Чудотворецъ (Бесѣда 9-я). — Совѣты священника воинамъ предъ выступленіемъ ихъ въ лагерный сборъ. — Рѣчь о любви къ отечеству и преданности Царю. — Религіозно-нравственный обликъ Севастопольскихъ героевъ по рукописямъ очевидцевъ и участниковъ Севастопольской обороны. — † Предсѣдатель Совѣта Московскаго отдѣленія Общества попеч. о бѣдныхъ военнаго дух-ва, генералъ отъ артиллеріи С. С. Унковскій.

Редакторъ, Прот. **Іоаннъ Таранецъ.**

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

С.-Петербургъ, 11-го Мая 1904 года

Старшій цензоръ, Архимандритъ *Филаретъ.*